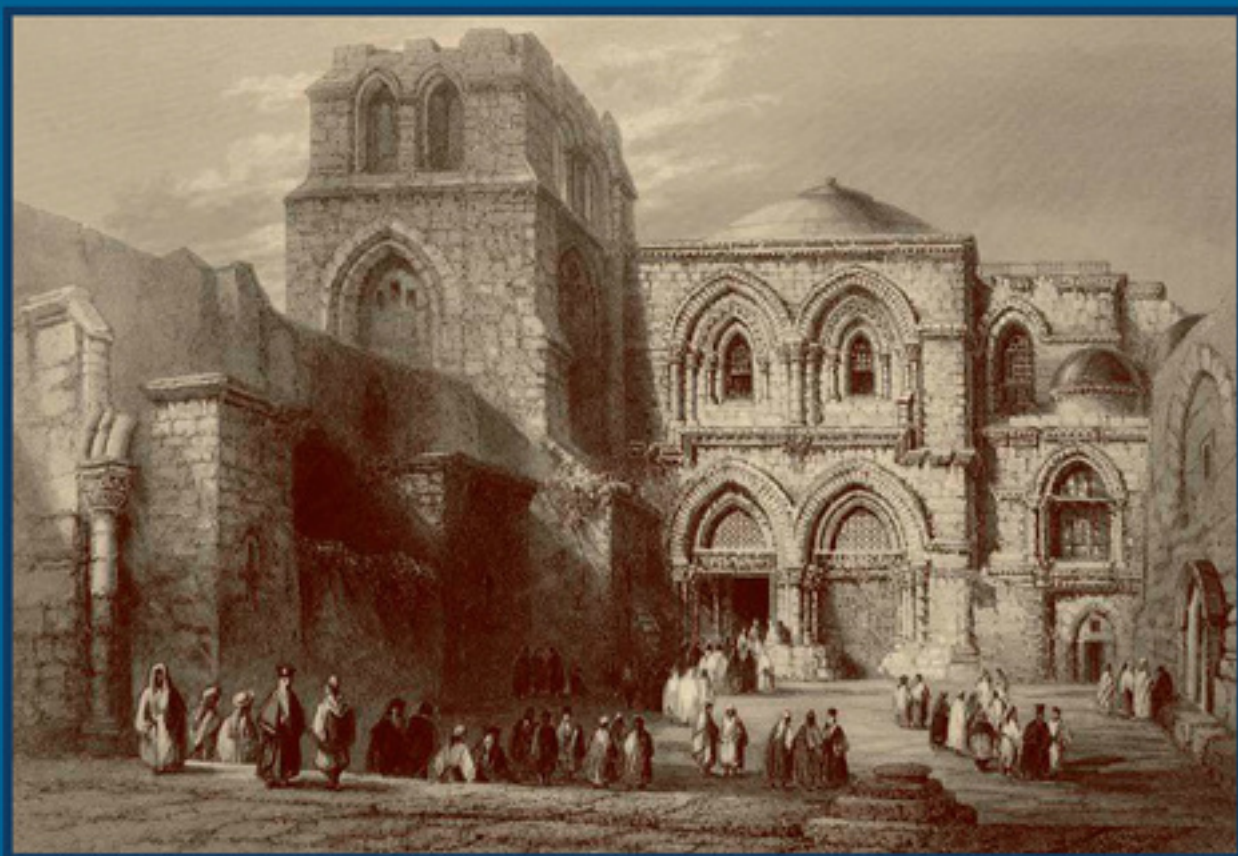

АРХИМАНДРИТ АНТОНИН КАПУСТИН

ПЯТЬ ДНЕЙ
НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ
И В ИЕРУСАЛИМЕ

«Индрик» 2007

архимандрит Антонин Капустин

**Пять дней на Святой
Земле и в Иерусалиме**

«Индрик»

2007

Капустин а.

Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме / а. Капустин —
«Индрик», 2007

Имя архимандрита Антонина Капустина связано в первую очередь с его деятельностью в качестве начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1865–1894) и с созданием им «Русской Палестины» – колоссальной земельной и имущественной собственности России в Святой Земле. Сегодня трудно поверить, что все это было делом рук одного человека. Однако труды отца Антонина не ограничивались только приобретением собственности, обустройством быта русских паломников и миссионерством. Его энергия и блестящий ум проявлялись в таких разносторонних занятиях, как астрономия и живопись, археология и коллекционирование, кабинетные ученые занятия и публицистика; он был архитектором, богословом, политиком, путешественником, фотографом, писателем. Многочисленные публицистические, литературные, богословские очерки, эссе и заметки архимандрита Антонина рассеяны по многим периодическим изданиям, русским и греческим. Полной библиографии его работ нет до сего времени и, вероятно, не будет еще долго.

В этой книге представлены четыре текста архимандрита Антонина, внутренне объединенные жанром записок православного поклонника. Первый очерк «Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году» был написан по свежим впечатлениям от первого посещения Святой Земли 20–25 сентября 1857 года, а затем доработан и опубликован автором девять лет спустя, в 1866 году. К этому времени отец Антонин уже жил в Иерусалиме, но продолжал совершать поездки как по Палестине, так и в Константинополь по делам Миссии. Как приложения публикуются три очерка о подобных поездках: «От Босфора до Яффы», «6-е января на Иордане» и «26-е января в лавре Св. Саввы». Эти поездки пришлось на 1867–1868 годы, тогда же были написаны и очерки. Все эти очерки создавались архимандритом Антонином для широкого круга православных читателей в России. Меткий, живой, образный язык автора, шутливая, а подчас ироничная форма изложения, динамичность и легкость повествования, собственный литературный стиль

ставит автора этих произведений в один ряд не только с русскими церковными писателями, такими как митрополит Филарет, но и с корифеями русской классической литературы XIX века – Тургеневым, Салтыковым-Щедриным и Островским. Книга проиллюстрирована гравюрами и литографиями XIX века.

© Капустин а., 2007

© Индрик, 2007

Содержание

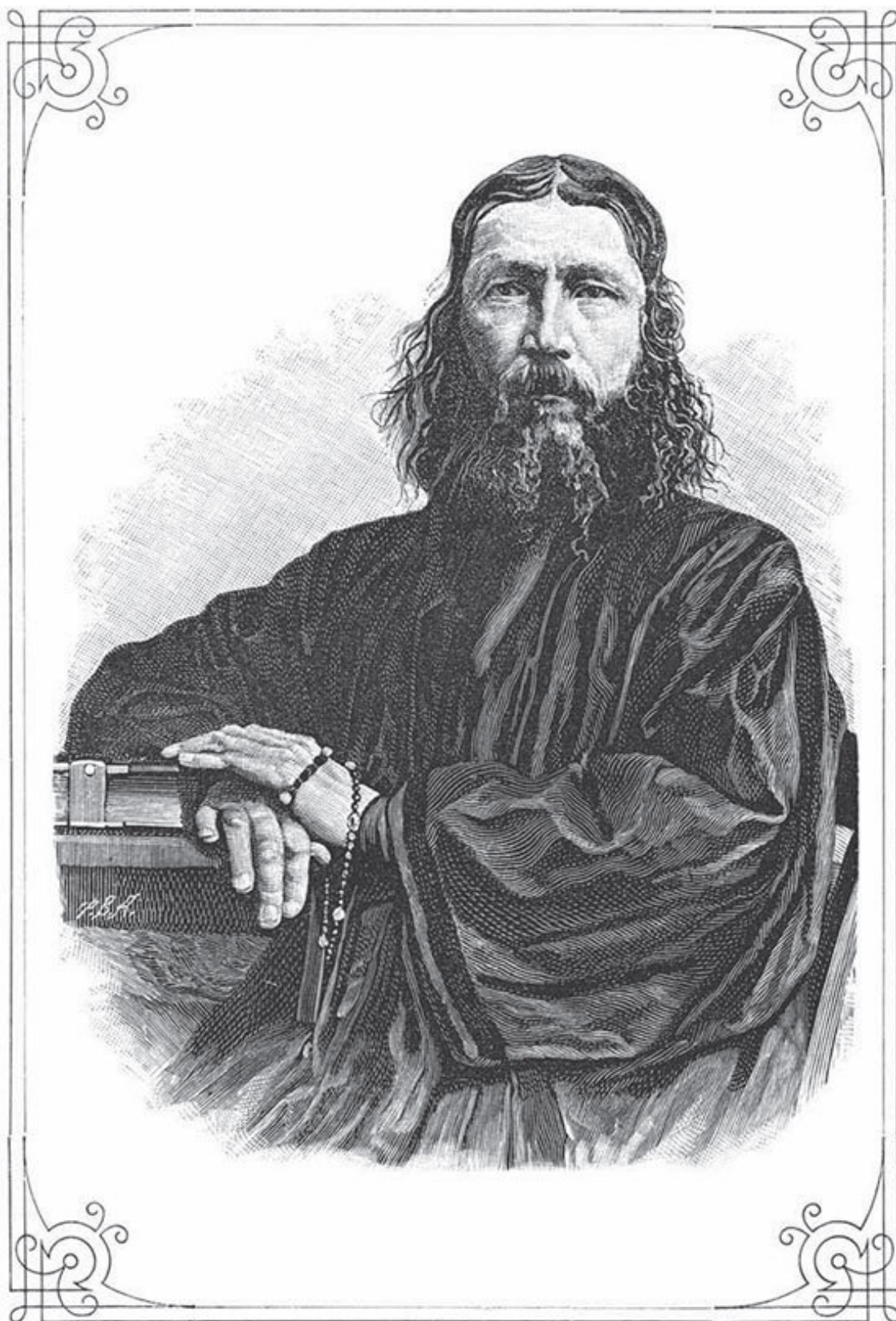
Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году	8
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Архимандрит Антонин Капустин

Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме

© Издательство «Индрик», 2007

* * *

Архимандритъ Антонинъ, начальникъ Русской Духовной Мисси въ Иерусалимъ.

Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году (Из записок поклонника)

Четверток, 19 сентября 1857 г.

Давно желанное зрелище восхода солнца на открытом море было перед моими глазами. Горизонт был чист во все стороны. Легкий боковой ветер нес нас навстречу еще не зримому светилу. Восток покрылся чудным багряным цветом. Думалось, что и самое солнце явится перед нами в свете, какого никогда еще мы не видали. Но великолепное приготовление кончилось, и солнце блеснуло своим обычным лучом, золотисто-огненным. Волны схватили его, понесли и рассыпали по необозримости моря в миллионы движущихся искр. Восток и солнце магнетически приковывали к себе устремленный на них взор; но сквозь эту видимость зрелся душе некто другой, Невидимый, Кто с первых минут ее самосознания представлялся ей *Востоком восточков, Солнцем правды*, как учили ее сладкие и несравненные песни церковные, это – Христос Бог наш.

Мы близились к берегам Сирии. Еще их не было видно, но легкая полоса тумана или дыма, висевшая параллельно горизонту над морем к юго-востоку, говорила ясно об их близости. Сзади нас, влево к северу темнелась другая, более определенная полоса с неровною поверхностью. Это был остров *Кипр*, вчера сопровождавший нас почти целый день. Отчизна и паства простеца и великого угодника Божия *Спиридона*, а также и другого святителя, не менее известного, *Тихона*, равно как и славного *Епифания* и многих других святых Божиих, долго вчера занимала меня. Она первая приветствовала нас на море «восточном». Смотря на зубчатые верхи гор кипрских, напрасно старался я угадать местность городов *Тримифунта* и *Анафунта*. Странно звучащие для слуха имена эти, свидетельствующие своеобытную населенность древнего Кипра, остаются мертвым словом для нынешнего населения, на две трети греческого и на одну треть турецкого. Но для нас они – слово жизни острова. Они воскрешают перед нами Кипр в лучшую эпоху его, – лучшую на наш православный взгляд. Европа до сих пор с самозаглашением воспоминает эпоху эфемерного царства Кипрского, распавшегося и улетучившегося, как и все ее фантазии относительно Востока, под не сочиняемым ходом действительности. Но всего невероятнее действовало на душу представление той эпохи острова, в которую в первый раз сладострастные поклонники Киприды слышали целомудренное слово Иисуса Христа, и слышали из уст необыкновенного смертного, когда-то уже умершего, и погребенного, и предавшегося тлению, но восставшего по гласу Того, Кого теперь проповедывал. Имя *Лазаря*, друга Господня, отрадно и сладостно говорило сердцу в то время, как его вторая Вифания¹ все более и более тонула в волнах Средиземного моря.

К полудню резко обозначился берег Сирии. Высокие горы сторожили его. В трубу можно было различить один из-за другого восстающие, желтовато-серые хребты. Судя по разности цвета их, можно было заключить, что их разделяют большие пространства. Приучив в течение многих лет взор свой к горам всякого вида и размера, я мало занимался этим, уже обычным для меня зрелищем. Но когда карта сказала мне, что эти хребты суть *Ливан* и *Антиливан*, и что высшая точка синеющей вправо громады, сокрытая на тот час в облаках, есть *Ермон*, сердце радостно встрепенулось. Я впился глазами в приближавшийся более и более берег и не отходил от борта корабля до самого того времени, как зеленеющее побережье развернулось перед нами сперва длинною косою, потом полукругом, в глубине которого смотрелся в море широко раскинутый, возвышающийся по отлогости берега и насквозь пронизанный зеленью

---

¹ Гробница его находится в приморском городе *Ларнака*, получившем от нее свое имя. *Λάρναξ*, значит гробница, рака.

город, варварски называемый теперь *Бейрутом*, в евангельское же время известный под именем *Вирита*.

Мы бросили якорь и ступили на священную землю великих воспоминаний. Но вместо высоких образов библейских мне представились там суетные образы обыденной жизни. Грустная мысль, что Церковь Христова здесь пленница, и что эти дикие взором, речью, поступью, одеждою, языком, голые и оборванные выходцы степей и лесов, которые там и сям безобразно толпились по нечистым улицам, считают себя народом господствующим, имеющим право посмеиваться моим глубочайшим убеждениям сердечным, терзала меня, и гнала поскорее вон из города опять на чистую и свободную поверхность моря. Это было первое мое знакомство с землею магометанскою. Это, несколько неприязненное к ней мое чувство естественно. Оно возникает в душе всякого, кому известна эта прекрасная страна как родник и питомник христианства. При закате солнца мы оставили бейрутскую бухту и с быстротою птицы понеслись вдоль берега на юг. Угасавший свет дня едва позволял рассмотреть в трубу историческую местность *Сидона*. Множество частью разрозненных, частью скученных домов, сходящих по горной отлогости к морю, свидетельствовали о продолжающейся жизни сего древнейшего заселения человеческого. Быстро наступившая ночь воспрепятствовала нам видеть облик его брата и сотоварища *Тира*.

Пятница, 20 сентября.

День первый.

Палестинское солнце приветствовало нас ослепительными лучами. В блеске их скрывался берег, которого усиленно, но напрасно искал взор. Расстилавшаяся между солнцем и морем пелена паров позволяла различать только самую легкую черту, чуть-чуть отделявшуюся от поверхности морской и несколько наклоненную к ней. Это был хребет Иудейских гор. Взявши высоту солнца, мы узнали, что находимся на широте Яффы. Поворотив потому прямо на восток, мы еще с полчаса времени не различали ничего, кроме очертаний берега, почти исчезавшего в лучах солнца. Наконец черною точкою стала отделяться перед нами одна возвышенность, которая вскоре, с помощью трубы, оказалась массою зданий. Это была апостольская *Иоппия*, полная воспоминаний о первоверховном Петре. Далеко от нее фрегат наш бросил якорь, боясь мелководья и волнения. Простым глазом едва можно было различать частности города. Я стал смотреть в трубу; думалось, что одна из многочисленных террас иоппийских должна быть та самая, с которой апостол научился отраднейшему для всего человечества уроку о вселенском составе Христовой Церкви. Поразительным кажется этот божественный урок от местности, на которой он преподан. Иоппия была и есть дверь Иудеи в Европу. Здесь, в самом деле, как бы всего приличнее и уместнее было начаться распространению царства Божи я за тесные пределы строго замкнутого в себе иудейства. Отсюда была прямая дорога идей в процветающую тогда философию Александрию и на все *острова языков* до славных мудростию эллинов и до миродержавных римлян – этих четвероногих гадов в отношении к Богопознанию и Богочтению, несмотря на всю их гражданскую и военную славу в тогдашнем мире. *Кто изменил славу нетленного Бога в подобие птиц и четвероногих и гад*, тот, как образ и подобие своего божества, конечно, должен был походить на таинственные образы, явившиеся апостолу. Местность дивного видения была однако же не там, где искал ее глаз. Нам сказали после, что она отстоит от города на полчаса пути. Я знал заранее, что не придется видеть ее. В распоряжении нашем не было ни одной лишней минуты; и потому оставалось довольствоваться одним усиленным представлением знаменательного явления, обнимавшего собою и нас, дальних пришельцев. Также нельзя было надеяться увидеть и другое замечательное место Яффы – дом, где совершилось чудо воскресения Тавифы.

Прямо с пристани мы были приняты нашим вице-консулом и препровождены в Греческий монастырь. Город расположен уступами по скату холма, и монастырь занимает средину на этом скате. Каменная лестница ведет к нему почти прямо с пристани. Имя монастыря принадлежит ему более по идее или по преданию, чем по праву. Он есть подворье Иерусалимской патриархии, или точнее разбитая на многие отделения и дворы гостиница, начальник которой титулуется игуменом. Подначальные его или «братия» обыкновенно и чуть ли не исключительно заняты служением поклонникам и, надобно сказать, служат с достохвальным усердием. Впрочем, и богослужение, по правилу монастырскому, не оставляется ими. Утренняя и вечерняя отправляются ежедневно. Их церковь, выстроенная недавно попечением патриарха нынешнего, обширна и благолепна. Она – единственная православная церковь города; нет нужды говорить, что мы приняты и угощены были с полным радушием.

Яффа. Общий вид

С длинной и широкой террасы монастыря можно было любоваться великолепным видом Средиземного, поистине *Библейского* моря. Воображение без труда создавало на нем картину приходящих и отходящих кораблей Соломона, но нелегко было вообразить праотца Европы Иафета сидящим в пристани своего города и надсматривающим за построением первого мореходного судна по образцу – конечно, памятному всему роду человеческому, – *ковчега*. *Яфет* и *Яфа* так созвучны, что невольно хочется верить древнему преданию, но боязнь исторического греха удерживает воспламеняющееся воображение. Иначе вся Европа должна бы обращаться с благоговением к Яффе как своей колыбели, и все без исключения мореходцы должны бы принести посильную лепту на сооружение в Яффе памятника в увековечение своей признательности отцу мореходства.

Солнце палило июльским зноем. Нам предлагали отдохнуть ради предстоявшего всенощного путешествия, но напрасно было всякое усилие заснуть. Духота гнала вон из комнаты на ту же, освежаемую морским дыханием террасу. Я подошел к окраине террасы и долго смотрел вниз на набережную улицу, идущую возле самой стены монастырской. Вид самый неотрадный! На непривычного к Турции путешественника он должен производить тягостное впе-

чатление. Все там для него, от великого до малого, не похоже на то, что он знал и видел у себя дома. Все должно уверить его, что *Земля Святая не похожа* на его родину. В первый раз он, может быть, с прискорбием заметит, что между созданными им самим образами библейскими и между действительностью есть разница часто безмерная. Его представления городов, деревень, полей, лесов и рек, упоминаемых в священной истории, неожиданно оказываются для него неверными, простым сколком окружавших его дотоле предметов. Тяжело, но полезно такое разочарование. Оно prepares поклонника к выходу из той исключительности, в которую его невольно поставила его привычка видеть одно и то же у себя на родине, — оно расширит его большею частью ограниченный круг зрения на предметы знания и веры и если не тотчас, то мало-помалу приучит его к умеренности и терпимости, столько нужной тому, кто решился принести на Гроб Господень дань и своей признательной души вместе с тысячами других, подобных ему пришельцев, часто не похожих на него ничем, кроме одного образа человеческого и имени христианского. Все это тем с большею живостью думалось мне, чем пристальнее всматривался я в жизнь улицы. Вот один соотчич, видно, недавний пришелец, как и я, — покупая что-то в съестной лавке у араба, попеременно то с озлоблением, то с отчаянием силится вразумить его «русским языком», что у него нет других денег, кроме русских. Не было надобности гадать, каким чувством он был одушевлен. Резкие и чересчур домашние выражения его, обращенные к торговцу, показывали ясно, что земляк считает Палестину своей губернией.

Рынок в Яффе

Фруктовые сады в окрестностях Яффы

Часов около двух дня дано было приказание собираться в дорогу. Вскоре шум под самым монастырем, какой у нас можно услышать только во время пожара или другого какого необыкновенного события, ознаменовал прибытие подвод наших, взятых до Иерусалима. Это были пять-шесть лошадей, столько же мулов и около двадцати ослов. Их подвели. Тем и окончилось содействие нашему отправлению вожатых. Все прочее нужно было сделать самому и делать не зевая. Общество наше состояло почти все из людей, которые не заставляют просить себя, и потому лошади немедленно были разобраны, а вслед за тем и мулы. Я сел на муле. В беспорядке примерном тронулись мы с места, и кое-как выбрались из тесного и душного города на чистое поле.

На протяжении двух верст за Яффою нас сопровождали сады соленые и благоуханные, коим оградой служил кактус, лелеемый у нас в банках, а здесь достигающий высоты саженной и презираемый за негодность. Миновав сады, мы остановились и затем уже в порядке поехали в открытую равнину, в конце которой на горизонте синела неровная линия гор. Первые впечатления и я бы ли самые веселые. Глазам все виделась наша любезная Россия. Ровное поле, черная земля, кое-где вдали участки леса – все напоминало ее, широкую и необъятную. Только дальние горы возражали собою на этот обман чувств. Всякий раз, как я возвращался к неизбежному сознанию того, что я в Иудее, я как бы пробуждался от сна. Первая, встретившаяся в стороне от дороги деревня показала, что мы на чужой земле. Несколько скученных на холмике серых или, точнее, черных землянок, отеняемых деревьями своеобразного вида, мало походили на то, что мы привыкли называть селом или деревней. Таких деревень в течение трех часов мы встретили около пяти. Непривычность верховой езды заставляла несколько раз уже высматривать впереди возделенную *Рамлю* или *Рэмли*. С небольшой возвышенности наконец открылась одиноко стоящая среди леса четырехугольная башня арабско-готического стиля, предвестница близкого отдыха. Город, впрочем, был не там, где виднелось одинокое строение. Несколько минаретов, восстававших как бы из земли впереди дороги, указали местность древней *Ари-мафеи*, куда мы вскоре и прибыли. Последние лучи солнца бросали розовый цвет на белев-

шие стены с фиолетовыми тенями. Множество куполов давали своеобразный характер городу, также скученному, как и Яффа. На высоком шесте утвержденный крест с яблоком обозначал *латинский монастырь*, встречающий путника прежде всех строений городских. Трое капуцинов, сидя на террасе, глядели на караван наш сперва с участием, а потом равнодушно. Мы проехали под самыми стенами монастыря и вступили в город, где пробирались узкою улицей минут десять, пока не въехали в один тесный и не очень чистый двор. Нам сказали, что это *монастырь греческий*. Ничего похожего на монастырь в привычном смысле слова мы опять не нашли. Несколько лестниц вели со двора вверх. Взобравшись на одну из них и ожидая увидеть себя в комнате, мы сверх чаяния увидели перед собою опять двор, или обширную террасу самого неправильного вида, составлявшую верхний ярус монастырских зданий и обставленную там и сям отдельными домами или комнатами, в которых нас и разместили. Это также гостиница или подворье Святого Гроба, как и яфский монастырь. Монахи служат поклонникам. Старший из них называется игуменом. Кроме братии живет в заведении и одна старица для услужения поклонникам в случай какой-нибудь особенной нужды. И игумен, и старица жили прежде в Молдавии и знают несколько слов по-русски. Из разговора с почтенным старцем я узнал, что в городе очень мало христиан, что, впрочем, есть два приходских священника православных. «С *фраторами* (латинскими монахами) живем мирно, – говорил игумен. – Ходим друг к другу. Что там наверху (т. е. в Иерусалиме) делают, нам до того дела нет. Да и не из чего ссориться». Этот спокойный взгляд на вещи говорил много в пользу старца, как видно, хорошо искушенного опытом. Положено было отдыхать до восхода луны. Отдых однако же в другой раз оказался невозможным. Мысль о близости Иерусалима заставляла раскрывать глаза среди самой глубокой дремоты. Наконец, около девяти часов вечера слабое мерцание ущербленного светила позвало нас в путь, без сомнения, самый памятный в жизни каждого из нас.

С привычною обществу нашему быстротою мы очутились по-прежнему верхом, и, скромно поблагодарив обитель за хлеб-соль, простились с начальником ее, поручив себя его молитвам. Сумрак ночи не позволил мне рассмотреть город. Хотелось видеть древнюю церковь Св. Иоанна Предтечи, обращенную в мечеть. Всякий, чуть различаемый в полусвете купол с окнами я готов был принять за искомую церковь, доколе масса зданий городских не осталась позади нас. Рощи кактусов сопровождали нас еще около версты, после чего мы вступили в открытое поле – продолжение той равнины, которою ехали до Рамли. Около двух часов мы наслаждались самым приятным путешествием, какое только я мог себе представить. Ровная и мягкая дорога, тишина, прохлада, многолюдное общество, свет луны, сладкое чувство сознания себя на священной местности, прилив библейских воспоминаний – все говорило душе радостью и счастьем, какого только можно пожелать дальнему путнику. Мы не встретили на дороге ни одного жилья человеческого. Несколько раз слышавшийся, отдаленный лай собак уверял, впрочем, что благодатная земля не лишена и оживляющего присутствия человека. Поверхность земли постепенно и чуть заметно возвышалась. Темная полоса гор начинала уже мало-помалу выявляться отдельными очертаниями, хотя все еще неясными. Взобравшись на один холм, мы почувствовали свежесть горную. И точно это был предел равнины. Черневшая влево неровность носила имя *Латруна*. Так как *латрон* (latro) значит: «разбойник», то и составилось мнение, что здесь была родина одного из разбойников, распятых вместе с Господом, и притом разбойника, висевшего одесную. Местность невольно наводит на мысль о разбое, и могла производить тяжелое впечатление на душу одинокого странника. Мы не испытали его, потому что по своей многочисленности и по своему грозному виду скорее могли внушать, нежели испытывать страх.

Было уже за полночь, когда мы вступили в ущелье. Долго поднимались по тесной и извилистой, весьма трудной дороге и растянулись более, нежели на версту. Много раз выезжая из одной извилины в другую, мы льстили себя надеждою, что увидим перед собою столько желанный *Абугош*, или точнее деревню, принадлежащую племени, коего начальником не так давно

был некто Абугош, славный своими разбоями. Там предположено было сделать краткий отдых, в котором самые неутомимые из нас уже начинали чувствовать нужду. В таком утомительном подъеме прошло часа два с лишком. Луна обошла нас полным полукругом и бросала тени наши уже вперед нас, уродуя образ наш на неровностях дороги. Веселые голоса все менее и менее слышались и наконец совсем замолкли. По временам только раздавалось спереди повелительное: «*не отставать!*» – передаваемое из уст в уста по всему каравану, или сзади чуть доносившееся: «*стой!*» – также переходившее от одного седока к другому до самого колонновожатого. Впрочем, иногда для развлечения общества случались обстоятельства, развязывавшие отяжелевшие языки. Так, например, раз вблизи меня споткнулся осел. Несколько сонливых русских голосов разлились остротами над павшим седоком. От седока речь перешла на животное, говоря о котором выражались всегда третьеличным местоимением в женском роде, без сомнения, воображая под собою по привычке лошадь. «Как *она* семенит ножками-то, – говорил один из моих соседей. – Ведь как жердочки тонки, а смотри, какую тяжесть несет и силу Бог дал». «А оттого, – подхватил другой, – что Христа на себе носила». Новая оступка животного дала новый повод к разговору, в котором уже отзывалось явное нетерпение и нескрываемое желание отдыха. Тут досталось между прочим и турецкому правительству, вовсе не помышляющему о том, чтобы поправлять дороги, «чтобы пешему человеку пройти было можно». Часам к трем с половиною мы были, по-видимому, на самой высоте хребта. Сзади нас уступами спускались пройденные нами возвышенности, едва различимые при слабом свете луны. Спереди открылась ровная площадка с густым лесом. Всем почуялся желанный отдых. Но ни в лесу, ни за лесом деревни не было. Мы ехали еще около четверти часа. Спускаясь в ложину по направлению чуть различаемых домов, я в сладком раздумье смотрел на нозышавшийся за нею новый хребет гор, еще высший, нежели пройденные нами, резко очертавшийся алою линией чуть белевшего востока. Там, за ним или на нем, стоит он – любимая мечта детства – *Иерусалим!* Еще несколько часов, и я ублажу себя видением, с которым ничто сравниться не может. *Преславная глаголашася о тебе, граде Божий*, лепетал язык, и сердце таяло от радости и страха... Мы не могли рассчитывать на какой-нибудь приют в Абугош. Дух нетерпимости наследовали, в ней духу грабежа, и должно пройти, по крайней мере еще одно поколение, чтобы переродился дух этот в дух гостеприимства. Мы спешили в стороне от деревни, возле какого-то огромного полуразрушенного здания с готическими окнами и такою же высокою и широкою дверью. Некогда было рассматривать его. Утомление и бессонница обессилили совершенно и душу, и тело. Кто как мог, мы приютились к стенам здания и заснули для радостного пробуждения.

Рамли. Вид с Яффской дороги

Вид местности недалеко от Эммауса

Суббота, 21 сентября.

День второй.

Было восемь часов, когда дано было приказание «вставать и ехать». Мое ложе было в самых дверях здания. Подняв голову, я с изумлением увидел, что мы находимся в большой, совершенно опустелой церкви с двумя рядами столбов и готическими арками. Достойная сожаления участь храма Божия, некогда великолепного, теперь же обращенного, стыжусь сказать, во что! Не ожидал я такого горького привета от многорадостного дня. Стены и своды церкви еще в совершенной целости. По стенам, внутри храма, во многих местах сохранились очерки и краски икон. «Сколько ее наверху, столько же и под землей», – сказал мне наш кавас, указывая на церковь. Я обошел ее кругом, и действительно, с южной стороны под алтарем увидел спуск в глубокое подземелье. Проникнуть туда уже не решился, боясь и отвращаясь нечистоты. Кем, когда и в память чего выстроен этот замечательный храм? Некому было объяснить мне это. Архитектура его явно обличает время Крестовых походов. Раумер в своей «Палестине» считает его остатком монастыря братьев *Миноритов*. По его мнению, Абугош есть древний *Кариаф-иарим*, славный местопребыванием Ковчега Завета. Но пустившись отсюда в дальнейший путь, я уже на дороге прочел в одном писателе, что Абугош есть евангельский *Эммаус*, и что церковь выстроена на месте явления Иисуса Христа ученикам по воскресении. Это известие глубоко поразило меня. Я доверился ему охотно. Божественное явление Господа ученикам эммаусским всякий раз, как я думал о нем, действовало на меня необыкновенно. Столько по сердцу приходился мне закрытый образ Богочеловека и мысль, что я провел несколько часов на месте сего явления, наполняла душу тихим умилением. Первая как бы встреча моя на божественной земле с Евангелием была там, где всего охотнее желал я воображать себя, и куда тысячекратно принимал с сердечным трепетом, испытующим взором веры. Долго потом еще в воображении моем рисовалась опустелая и преданная позору церковь. Мысль о ней подвигала душу на непрестанную жалость. Христиане, теснящиеся в разных местах земли и от тесноты выселяющиеся в степи и леса и на отдаленные острова океана, ужели бы не могли заселить дороги от Яффы до Иерусалима и очистить поклоннический путь от всего, чем возмущается христолубивое сердце? Будь от всякой народности по колонии на пути сем, как бы все изменилось! Так думал я, но, разумеется, думал на ветер. У земли *Обетованной* есть своя обетованная эпоха, по-видимому, еще весьма отдаленная от дней наших. В ту эпоху мое желание вызовет, может быть, улыбку. С полчаса мы ехали косогором, начавшимся у самого Абугоша, и потом спустились в приятную долину, пересекаемую малою речкою, первую – встреченною нами в Палестине. Несколько домов с садами, носившие имя *Галены*, свидетельствовали, как думают, о существовании некогда на месте этом римского поселения (*colonia*). Мы проехали мимо трех остатков древних построек. Ровная кладка стен из огромных четырехугольных камней без цемента сначала заставила меня думать, что я вижу перед собою памятник еврейской архитектуры; но значительное сходство их с недавно виденною церковью удержало меня на пути, так близком к иллюзиям. От деревни дорога опять поднимается, делая извивы по неровностям горного ската. Взобравшись на высоту, мы увидели, что конец пути нашего еще далеко. Перед нами лежала глубокая долина или лучше рытвина, за которою еще раз стояла крутая, и, подобно всем другим, голо-скалистая гора, уже, конечно, *последняя*. И спуск, и подъем равно были для нас трудны. Солнце стояло уже высоко и палило нас ослепительными лучами, от которых не в силах был защитить и зонтик. От главной долины вправо и влево расходились побочные логовины такого же вида и образования, как и множество других, виденных нами. Вид глубоко печальный! На всем огромном пространстве не видно было ни одного дерева! Голые серые горы пластовидным образованием своим часто заставляли предполагать то там, то сям следы давно исчезнувших деревень и городов, которыми так густо усеяна была когда-то Иудея. В полугоре к северу от дороги виделась однакоже какая-то небольшая деревня. На

иных картах Палестины тут помещается славный *Гаваон*. Но я удержал свое воображение от представлений из мира ветхозаветного. Меня все еще преследовала трогательная мысль, что по этой дороге (иной нет) некогда, в самый светлый день воскресения шел прославленный пакибытием Спаситель. Мысль о присутствии Его когда-то здесь заменяла мне собою настоящее отсутствие жизни в этой глухой и мертвой пустыни. Наконец мы оставили ее за собою.

Думалось, что, поднявшись на высоту, мы немедленно увидим *Святой Град*. Я называл счастливыми тех, которые были впереди, и все ждал, что они сверху будут, на зависть нам, выражать знаки своей радости. Напрасная надежда! До Иерусалима еще было двадцать пять или тридцать минут пути, т. е. версты три или четыре. Послушливое ожидание чередовалось с порывами нетерпения. Взобравшись в числе последних на высоту, я напрягал зрение во все стороны, но ничего, кроме голой и каменистой поверхности земли не увидел. Правда, не так далеко впереди стояло какое-то здание с куполом, но упредившая меня часть кавалькады нашей давно уже объехала его и все смотрела вперед. Точно, купол принадлежал одному могильному памятнику, а не Иерусалиму. Миновав его, я ожидал, что за возвышенною половою земли, куда скрывались один за другим передовые, уже откроется все. Между тем открылось только вправо от дороги, в значительной отдаленности, большое строение с башнею в роде русской колокольни. Я сейчас отгадал, что это *Крестный монастырь* с училищем, о котором уже начала носиться слава по Востоку. А Иерусалима все не было! Палящий зной увеличивал нетерпеливость нашу. Утомленные животные еле шли. Мул мой по временам издавал раздражающий вопль. Понять нельзя было, отчего до сих пор не виден город, бывший по расчетам уже весьма близко, тогда как поверхность земли была, по-видимому, совершенно ровная. Но последнее было не что иное, как обман. Самым незаметным образом она склонялась к нам. Минута, не повторяемая потом, приблизилась. Легкая неровность земли вдруг обозначила за собою, впереди дороги, два минарета, и быстро встал передо мною, рисуясь на светлом небе темными стенами, Иерусалим. Где вы, столько лет лелеемые в душе, приветы Граду Божию, *преславному, прекрасному, возлюбленному*? Где вы, так давно и так заботливо готовимые, горячие слезы – жертва бедная от бедного Богатому и Обнищавшему ради меня? Придите на уста мои и на очи мои! Минута свято-заветная настала. *О светлый и избавленный граде, голубице! Град правды, мати градовом! Град Царя великого! Град Господа сил! Селение Вышнего! Град взысканный и неоставленный!* Ты ли это перед моим взором, моим умом, моим сердцем?

Да! К великому счастью духа, это не был сон.

Медленно подвигались мы навстречу чарующему видению. Глаз впивался во все, что мог различить. Но различал он пока немногое. Длинная и высокая, темная стена с двумя массивными башнями посередине закрывала собою все. Башни сторожили западный вход в город, так называемые *Яффские* ворота, хорошо известные свету по рисункам. Они должны примыкать к *Замку Давидову*, но и замок вместе с городом не виден был нам; напрасно также взор искал гор *Сионской* и *Элеонской*. Все, что возвышалось над окраиной стены, было два-три минарета, два-три плоских купола, и какое-то круглое здание новой постройки. В отдалении, правее Иерусалима, чернелось на возвышенности какое-то большое здание, окруженное садом, единственный предмет, коим оживлялась мертвая окрестность. Сначала я счел его за Вифлеемский храм, обманутый малым сходством, но расстояние до него, по глазомеру, не больше пяти-шести верст, обличило меня в грубой ошибке. По тому же направлению, но ближе к городу, лежало обширное кладбище турецкое со множеством памятников, из коих некоторые имели вид малых храмов с куполом. Западнее кладбища виделась огромная четырехугольная яма, высеченная в скале и служащая водоемом городу, как мне объяснили. Влево от нас, чем далее от дороги, тем чаще показывались деревья, большею частью масличные, которые на параллели Иерусалима образовали уже как бы целую рощу, закрывавшую с этой стороны горизонт.

У какой-то загороди мы остановились и оправились, насколько это было возможно, и построились в порядок, которого требовала неотступно следившая за нами субординация. Стройно таким образом мы подъезжали к стенам города, высоким, и крепким, кладенным из серого камня, правильно сеченного. Ежедневно повторяя покаянный псалом Давидов, мы невольно ежедневно молимся о сих *стенах*. С такою теплотою, воссылаемая здателем Иерусалима, молитва о сих стенах, видимо, было услышана. И теперь ничем не может похвалиться с вещественной стороны Иерусалим, как своими стенами. Кем и когда они воздвигнуты в том виде, как теперь суть, и сохранилось ли что-нибудь в них от времен Давидовых, это, вероятно, останется навсегда не решенным. Наконец перед нами открылись во всем величии твердыни *Яффских* или *Вифлеемских* ворот, казавшиеся дотоле безжизненными: местность вдруг ожилилась, лишь только мы спустились с последнего холма. Перед воротами кипел народ, то входивший в город, то выходивший из него, то отдыхавший на предпутиях караваном с развьюченными верблюдами. У самых ворот нас встретили караул турецкого гарнизона с левой – и ряд нищих с правой стороны. При всем желании нашем въехать во Святой Град в полном порядке и с приличною торжественностью, это не удалось. В самых воротах столпившись и перемешавшись, мы въехали уже как попало в тесную улицу, обставленную низкими каменными домами без окон, представлявшими одну сплошную стену, кое-где пробитую тесными дверцами. Забота о том, как бы не столкнуться со встречными, не потерять из вида своих передовых и не быть смяты задними, пыль, жар, духота, теснота и шумная разноголосица, все это, соединившись вместе, изгоняло из головы мысль о необыкновенной важности места. После двух поворотов улица привела нас под переброшенную через нее широкую арку. У первых за нею ворот по правую руку была непроходимая толпа пешего и конного народа, в которую, вслед за другими, врезался и мой мул. Мы были у *Патриархии*.

«Замок Давида» и стены Иерусалима при подъезде со стороны Яффы

Яфские ворота Иерусалима

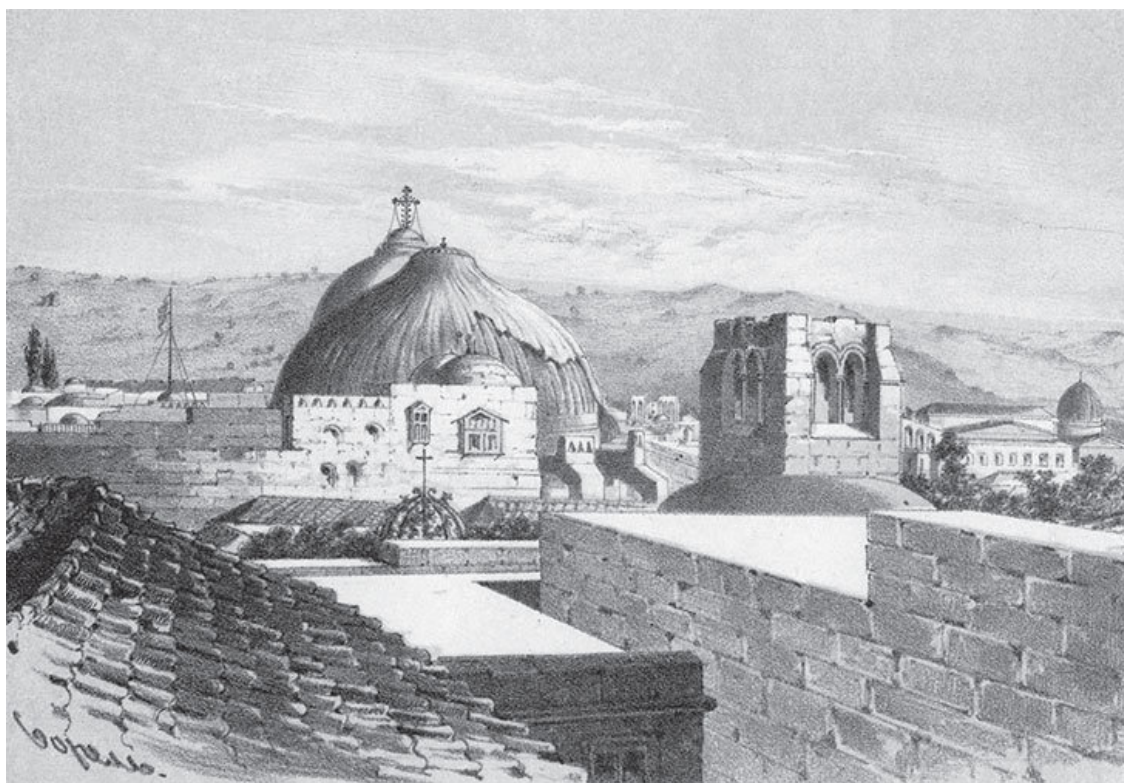
С невыразимой отрадой физическою сошел, или точнее свалился я с животного, и вступил под сень ворот двора Патриаршего. Это также монастырь странноприимный, в роде Рамльского или Яффского, только в больших размерах. Те же малые дворiki, соединенные одни с другими крытыми переходами, те же лестницы, ведущие на террасы, и на террасах опять дворiki, опять переходы и лестницы в высшие отделения! Ни описать, ни передать чертежом подобного устройства нет возможности. Избранным из общества нашего отведена была на первой террасе большая комната, накрытая сводом, с низкими и широкими лавками вдоль стен. Лавки покрыты были коврами, а пол цыновками. Избраннейшим же отведено было отдельное помещение в особой гостинице. Усталость и бессонница, мелочные заботы приезда и помещения, заставляли нас смотреть на себя только как на путешественников, добравшихся до места, а отнюдь не как на поклонников. Суевливая услужливость усердных монахов, обращавшаяся все около предметов житейских, довершала, так сказать, оземление первых впечатлений наших на местах такой высокой святости. Мысль об Иерусалиме входила в ряд других, нисколько не тревожа их своим присутствием. Не того чаял я, может быть, не в меру идеально настроенный, от первых минут пребывания своего во Святом Граде.

Но всему свой черед. Вскоре, и притом вдруг, в душе моей все приняло иной оборот. Ради какой-то потребности я вышел из комнаты на террасу и увидев, себя перед самым куполом Гроба Господня, внезапно как бы проснулся от сна действительности. В глазах моих исчез Иерусалим географический, Иерусалим – город сирийский, город турецкий, каких много в Турции, а восстал Иерусалим исторический, евангельский, принадлежащий не столько месту, сколько времени, не столько зрению, сколько воображению, не столько уму, сколько сердцу. И вот началась та борьба видения с представлением, странная и томительная, которая продолжалась весь этот приснопамятный день. Видишь, – самому себе не веришь, что видишь, – места и

предметы, с детства относимые к какому-то другому месту. Видишь и все еще ищешь видеть, недовольный тем, что представляет видене. Потому что действительность слишком обыкновенна, проста и близка, а предметы эти всегда облекались в образы дивные, полутелесные, полудуховные, неопределенно-таинственные и всегда поставлялись на известное расстояние от полного и совершенно ясного сознания. Смотря на гору *Элеонскую*, я поминутно нудил себя признавать ее тем, чем она известна всему миру, и поминутно отходил от светлого образа к простому представлению горы. Евангельский «Элеон» почему-то казался не существующим более, или по крайней мере существующим гораздо далее того, который такими простыми и раздельными, и, прибавлю, скромными очертаниями рисовался в совершенной близости от меня, закрывая восточный горизонт грустной и томящей панорамы.

Был полдень. Утружденные спутники спали, разбросавшись на нарах. Уготованная страннолюбием обители трапеза стояла нетронутая. Стакан безвременного чая остался недопитым. Все свидетельствовало о том, *что есть время всякой вещи под небесем*. Между тем у меня не было ни сна, ни бодрого духа. В полдень обыкновенно храм бывает заперт. Надобно было ждать три часа, пока отопрут его. Не зная, чем наполнить этот промежуток, я пошел по обширной площади плоских кровель (террас), облегающих всю южную сторону храма, которого своды до самых куполов с этой стороны доступны боязливой ноге странника. Я исходил всю большую террасу, любуясь с каждой точки ее видом Иерусалима и пытаясь найти отверстие на стене большого купола, чтобы посмотреть внутрь храма. По малой лестнице, с большой террасы вышел я на меньшую, примыкающую к меньшему куполу (над церковью Воскресения), более той возвышенную, с которой я надеялся иметь еще лучший вид. И точно там мне открылся другой вид... Почти посредине террасы увидел я небольшую возвышенность, как бы верхушку скрытого под нею купола. Она обделана плитами простого камня, и вся сплошь покрыта надписями на разных языках. Всех их смысл был один и тот же: *помяни Господи во царствии Твоем* такого-то. Я невольно отступил от нежданно встреченного места. Оно было над *Голгофою*. Века за веками стали проходить в воображении моем, чередуясь и увлекая мысль мою все глубже и глубже в давнее прошедшее, пока я не увидел себя среди событий дня, потрясшего сердце земли и помрачившего лик солнца. Высоко и глубоко простершееся тогда незримыми оконечностями своими, малое древо крестное зрелось мне теперь во всей своей ужасной простоте, как древо казни, орудие жестокого уничтожения человеческого достоинства, сколько бесчестное, столько и бесчеловечное; что есть самого горького в участи человеческой, то все соединял в себе крест, как бы нарочно чьею-то злобою или чьею-то неумолимой справедливостью придуманный для того, чтоб Имеющий понести на Себе грехи наши восчувствовал на нем всю их безмерную тяжесть. При грозном зрелище этом лица двух разбойников, ожесточенное и умиленное, легко очертывались в воображении моем. Но лицо Того, Кто, по выражению песни церковной, был *мерилом праведным* между грешниками, кающимся и нераскаянным, оставалось неуловимо для меня. Я и не усиливался представить его, – считал это слишком дерзким, и даже боялся грешным взором встретиться с ним. Уже одной священнейшей местности было довольно к тому, чтобы проникнуться глубоко чувством своего недостойнства и искать поразительные представления ума свести на простую молитву. Но вот, чего я боялся давно как постыдной возможности психической, то едва-едва не случилось теперь. Что, если на Святых местах, думал я, собираясь видеть их, я испытаю тоже, что иногда испытываешь, к стыду и мучению своему, при вступлении во храм Божий, когда с каждым новым шагом к святилищу все слабее и слабее становится молитвенное настроение духа, когда мысли, вместо сосредоточения, разбегаются вслед всякого предмета? Попытка помолиться молитвою разбойника благоразумного на месте, где в первый раз она была произнесена и услышана, убедила меня окончательно, что молитва не есть ни ремесло, ни искусство, а что самая благоприятная обстановка иногда не в состоянии произвести ее в душе, не приготовленной к тому долгим и долгим богомыслием. Грустно сознаться, но где же и место покаянию, как не у креста?

Вид обветшавшего купола храма Воскресения

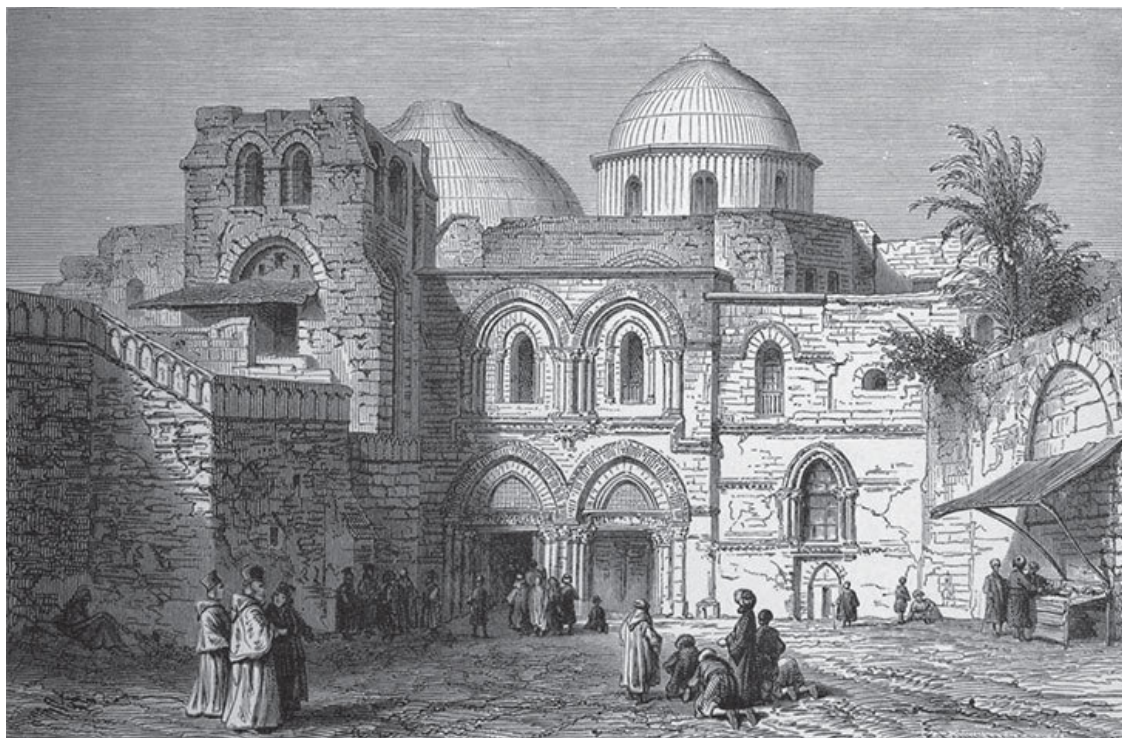

Панорама Иерусалима и Елеонской горы

Спустившись на нижнюю террасу и обходя ее снова, я встретил там спавшего в тени одинокого поклонника. Он весь был олицетворенное измождение. Труд телесный и душевный, а вместе с тем и сладкий покой сознания принесенной жертвы печатлелись на почерневшем от

солнца лице его. Положение спавшего трудника вызвало душу к жалости. Из глубины ее прорвался вздох, а за ним излетала и напрасно вынуждаемая дотоле молитва. И вот те же самые предметы для меня были уже не те, и верхняя терраса заговорила сердцу иначе. Сладкий сон бедного пришельца пал как бы укором на сердце, не услажденное Голгофою. «*Колико наемником отца моего избывают хлебы, аз же голодом гиблю...*» – произнесено было смущенною совестью. «Темный человек», мирянин выплакал боли души своей над Голгофою, и теперь в мире глубоко ожидает услышать от Господа: *днесь со мною будещи в Раи*; а священник, так близко поставленный к «Сладчайшему», не сумел пролить над крестом Его слезу или «слезы часть некую» во очищение грехов своих! Не бедно ли это? Разве менее у него поводов стенать и радоваться, просить и благодарить? Разве в жизнь его не вплетена искупительная и промыслительная нить несчетных благодеяний, простертая от Голгофы? Разве там, разве здесь... не Он был мой *помощник и покровитель*. Да не только «там» или «здесь», но именно, здесь, в сем месте, в сию минуту Он же, конечно, послал с Голгофы в след меня свой тихий укор, как некогда послал свой дружеский взор отрекавшемуся ученику. Но... довольно!

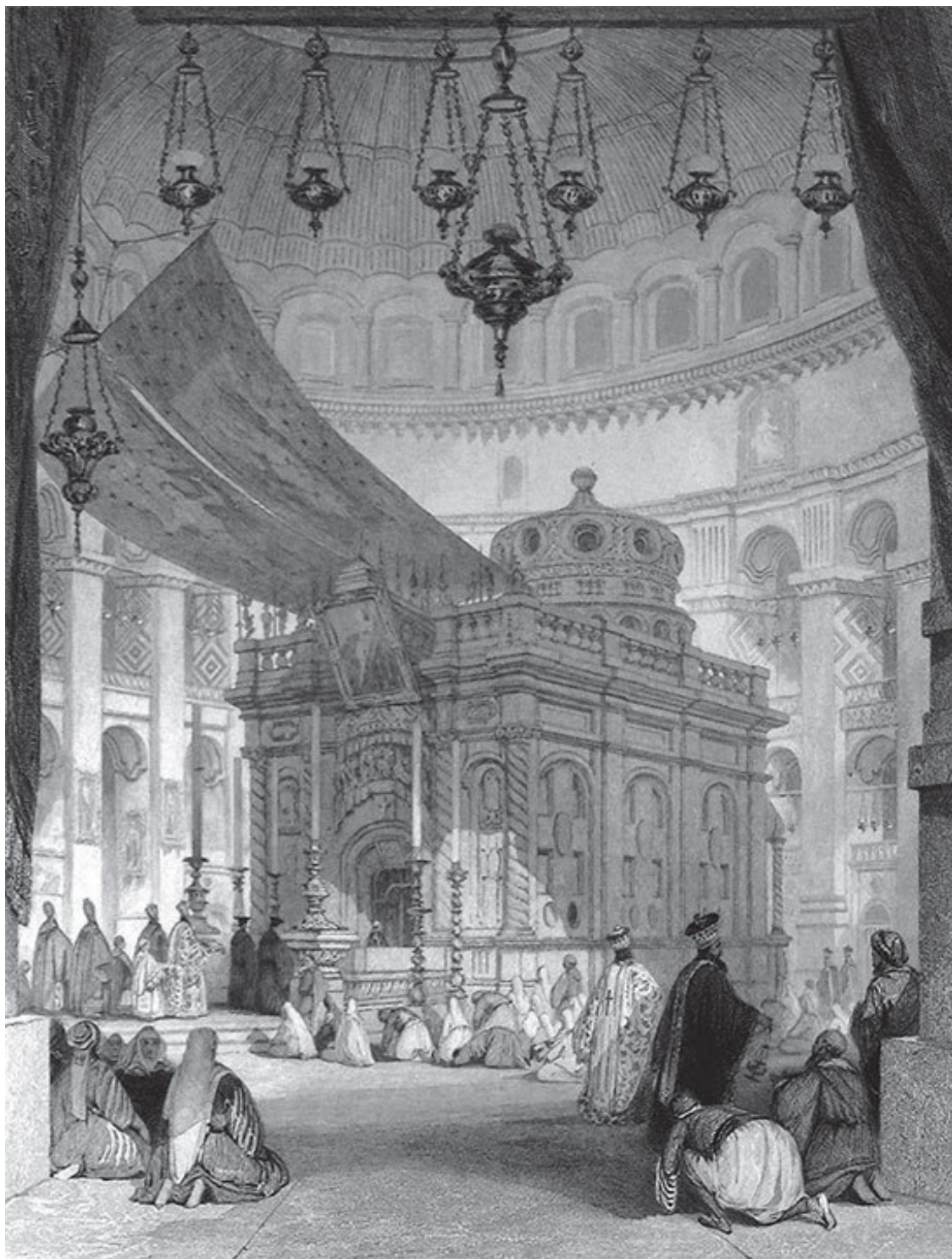
Пользуясь еще остававшимся до вечерни свободным временем, я представился патриаршему наместнику, митрополиту Петрскому *Мелетию*. Почтеннейшего иерарха я нашел таким, каким его описывали тысячи наших поклонников – добрым, приветливым, простым и умным. С ним были два епископа и несколько других духовных лиц. Архиереи сидели на широких лавках с поджатыми ногами. На них же они привставали, благословляя меня. За обычными вопросами – откуда, когда, как и надолго, – следовали взаимные приветствия, взаимные изъявления любви и преданности, выражения взаимных сожалений об участи Святого Града, оставленного *на поправление язычникам* доселе, и утешений надеждою на более радостное будущее. Беседа кончилась предложением услуг со стороны обязательного владыки; я с благодарностию принял предложение и испросил у него благословения на обозрение Святых мест. Затем я посетил другого митрополита, преосвященнейшего *Агафангела*, бывшего настоятеля Балаклавского монастыря, удалившегося сюда, после разгрома Севастопольского, отдохнуть от страшных впечатлений и кончить дни у Гроба Господня. Оба святителя греки, но долговременное пребывание последнего в России положило на него особенную печать важности, которой недоставало первому, незнакомому с тяжелым величием и приличием Европы.

Площадь перед входом в храм Воскресения

Время идти в церковь между тем наступило. Нас свели по особой лестнице с террас Патриархии прямо перед *южными* (и единственные) врата храма Воскресения Христова на площадь, столько известную всем и каждому по сделанным с нее рисункам. Переступив порог храма, я остановился, чтобы собраться с духом. Сверх чаяния, первое посещение святейшего места земли показало душу способною к одному только простому любопытству. «Точно так, — думал я. — Вот направо Голгофа, налево — *гробная часовня*, впереди *камень помазания*! Как описывали, так и есть! А вот и турецкий страж с трубкою в зубах и презрительным взглядом должен сидеть тут, налево, у самого входа, и отбирать деньги». Турок точно сидел, но не с чубуком, а с четками в руках, ничего не требовал, и приветливо помахивал головою поклонникам, поводя глазами налево, по направлению к Гробу Господнему, как бы указывая дорогу. Его кроткое лицо, неподвижное положение и важный взор резко противоречили подвижной, шумной и страстно оживленной толпе, стремительно влетающей из дверей, падавшей у «камня помазания» и разбегавшейся потом направо и налево. Ей дорого было, ее живо касалось все, что было впереди ее. Некогда и невозможно было ей стоять и думать, когда сердце горело!.. Благословенна ты, теплота сердечная!

Кувуклия (Гроб Господень) в храме Воскресения

Во след другим двинулся и я ко *Гробу Господнему*. Выступив из-под сводов круглой галереи на площадь так называемой «Ротонды», я приветствовал всеми убожениями родного чувства знакомую *часовню*; тысячекратно приветствованную уже прежде заочно в разные времена и в разных обстоятельствах жизни. Да, это она, новая *скиния свидания*, ничем незаменимого и ни с чем несравнимого, — она, хранящая в себе нерушимый ковчег ненарушимого завета, — она, сияющая во всю вселенную трисолнечным светом нетления, воскресения и жизни вечной. Я на минуту прислонился к одному из столбов, поддерживающих купол, и старался продлить в себе впечатление неповторимое; кругом меня и далее по всему помосту виделись коленопрекло-

ненные и приникшие к полу фигуры, едва различаемые в полусвете храма. На самой же площадке перед часовнею была толпа непроходимая, в коей немало виделось и наших спутников, ставивших свечи и ждавших очереди войти ко Гробу. Заметив идущего одного поклонника, они поспешили открыть ему дорогу. Народ расступился, сменяя на время молитву чувством удивления при виде высокой фигуры в эполетах и орденах, вступавшей на площадку с важностью и благоговением. «Генерал» – разнеслось шопотом по толпе. Благодетельный поклонник уже приблизился к дверце, ведущей в святую пещеру, как вдруг какой-то соотчич из простого звания схватил его за полы мундира и сказал тоном, к которому, конечно, не привык остановленный: «Стой! Разуйся!» На осведомление сего последнего, в чем дело, и что тому нужно, какая-то поклонница, также простого звания, начала объяснять, что место тут свято, что надобно входить туда босыми ногами и прочее. Когда же увидела, что объяснения ее ни к чему не повели, и поклонник вошел в часовню неразутый, с сердцем заговорила толпе: «они ведь святые, у них все чисто, не то, что у нас грешных» и т. д.

Настала и моя очередь войти в богоприемную пещеру. Малый кусок серого камня, сделанный в виде четырехугольной плиты и положенный на четвероугольном же столбике, стоял посреди приделанной к скале комнаты. Он есть остаток камня, замыкавшего некогда вход во Гроб. Об этой комнате я не имел прежде верного понятия, несмотря на столько описаний часовни. Составляя одно с сею последнею, она в тоже время не принадлежит гробу, служа преддверием к нему. Я дерзнул переступить черту, отделяющую ее от пещеры, и припал к камню, покрывающему смертное ложе Иисуса. Представление Его бездыханного, повитого плащаницею и распростертого в глубине скалы, разделяющего общую участь земнородных, усердно погребенного и враждебно стерегомго, наполнило душу сочувственною скорбью. С дерзновением, достойным наилучше предочищенных душ, поклонялся я месту временного покоя Сына Божия, касался устами сего *источника* и моего *воскресения* по слову песни пасхальной, пил его *питие новое, не от камени неплодно чудодеемое*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.